

Подъяпольская О. Ю.

**ЯВЛЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ Ф. КАФКИ)**

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/74.html](http://www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/74.html)

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 174-178. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/](http://www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

Говорящий может минимизировать свои коммуникативные намерения, используя для этого в своей речи междометия. С их помощью он может адекватно реагировать на новую информацию (которая, к примеру, была ему ранее неизвестна; что-либо обнаружилось и т.п.).

*Man 1:* Good morning. I'm with the Trans Canada holiday.

*Woman 1:* Ah, yes. If you'd like to fill in this form here, please (OUI, lesson 21).

Такие случаи показывают, что междометия в этой функции являются неким промежуточным звеном - они обеспечивают контекст для последующей речевой ситуации, и, в частности, сообщают нам о внутреннем состоянии говорящего в данный момент.

Междометия могут служить специальными средствами для привлечения внимания собеседника, провоцировать ответную реакцию на высказывание, а, следовательно, выполнять *конативную* функцию.

*Jamie:* I've got hiccups. I must get a glass of water. **Hey!** What that smell?

*Tom:* Oh, no! The sausages have got fire! (SPI, unit 11).

Следующая группа - фатические междометия - функционируют как единицы, помогающие участникам беседы поддерживать контакт друг с другом. Они показывают, что коммуникативное высказывание достигло цели и коммуникация состоялась.

*Emma:* I think what I'd, I'd really like, and I always have, is a motorbike.

*Interviewer:* **Uh-uh.**

*Emma:* I have an image of a huge powerful black, it's got to be black, motor bike... (CEI, module 8).

В действительности же, фатическая и когнитивная функции, выполняемые междометными единицами, не всегда четко разделены. Одни и те же междометия (well, oh, aha, uh-huh и т. п.) могут выступать в роли контактоустанавливающих единиц, одновременно имеющих определенную когнитивную направленность.

#### *Список использованной литературы*

1. **Wierzbicka A.** The semantics of interjection. Journal of Pragmatics. Vol. 18. Nos. 2/3 Sept. 1992. P.159-192.

#### *Список сокращений*

1. **CEI** - Cutting Edge Intermediate. / Edd. by S. Cunningham, P. Moor Longman 2001.
2. **SPI** - Snapshot Pre-Intermediate. / Edd. by B. Abbs, I. Freebairn и C. Barker Longman 2001.
3. **OUI** - Opportunities Upper Intermediate / Edd. by M. Harris, D. Mower, R. Sikorzynska Longman 2002.
4. **BUI** - Blueprint Upper Intermediate / Edd. by B. Abbs, I. Freebairn Longman 1998.

## ЯВЛЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ Ф. КАФКИ)

*Подъяпольская О. Ю.*

*ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»*

Имплицитность играет большую роль при формировании высказывания, переплетаясь с эксплицитно выраженной информацией и конституируя тем самым смысл высказывания. Наличие имплицитного содержания в речи вызвано разнообразными факторами: стремлением экономно выразить мысль, стремлением к речевой обособленности путем кодирования некоторой информации, несоответствием между планом выражения и планом содержания, стремлением к углублению коммуникативно значимой информации за счет имплицитирования тематического и выделения таким образом рематического компонента высказывания и многими другими.

Наличие имплицитно выраженной информации в эпистолярном тексте является следствием интимного характера эпистолярной коммуникации и отражает установку на персонального (конкретного) адресата, владеющего общим с адресантом фондом знаний (пресуппозиций), позволяющим опускать известную, а следовательно, в определенной мере избыточную информацию в тексте без ущерба для адекватного понимания написанного. Кроме того, как текст, обращенный к знакомому лицу, эпистолярный текст «ценится не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других» [Лотман 1977: 57]

Имплицитность в эпистолярном тексте осуществляется за счет процесса компрессии информации. Феномены компрессии, свертывания и развертывания изучен в современной лингвистике достаточно подробно как на уровне предложения, так и на уровне текста [см., например, Адмони 1985; Блюменау 1982; Валгина 2003; Кухаренко 1988; Ярцева 1969 и др.].

В общем виде компрессию информации можно определить как «увеличение количества информации на одну единицу плана выражения за счет использования сжатых, имплицитных конструкций на месте развернутых, эксплицитных» [Блюменау 1982: 18]. Мы придерживаемся точки зрения ученых, считающих, что информационная компрессия предполагает уменьшение физического объема текста при сохранении его со-

держательного наполнения [см., например, Блюменау 1982; Валгина 2003]. Иными словами, мы считаем, что информация, которая явно не выражена на формальном, поверхностном уровне текста, выражается имплицитно в его глубинной структуре и потенциально может быть эксплицирована, т.е. развернута.

В эпистолярном тексте явление компрессии информации проявляется в использовании имен собственных (иногда сокращенных до одной буквы), прозвищ; в упоминании реалий, понятий без какого-либо комментирования; в наличии аллюзий; в ответах на вопросы, содержащихся в письмах партнера по коммуникации, без цитирования данных вопросов; в различного рода реагирующих репликах. В последних двух случаях эпистолярная коммуникация в определенной мере имитирует живой диалог, где каждая последующая реплика является реакцией на предшествующую и где широко распространены явления эллиптичности.

На уровне текста информационная компрессия выражается при помощи имплицитов. Под имплицитами понимаются компоненты текста, содержащие свернутую информацию, вследствие расхождения между тем, что вербально выражено на поверхностном, эксплицитном уровне текста, и тем, что подразумевается имплицитно и может быть восстановлено за счет пресуппозиций.

По представленности смысловой информации имплициты эпистолярного текста являются «поверхностными» [Нефедова, 2001: 254], т.е. легко поддаются декомпрессии (восстановлению) персональным адресатом эпистолярного текста. Имплицитная информация в данном случае как бы «лежит на поверхности», хотя и не является прямо выраженной в эксплицитной форме. Насыщенность поверхностными имплицитами детерминирована наличием (как отмечалось ранее) общей пресуппозиционной базы у участников эпистолярной коммуникации.

Пресуппозиция является одной из форм проявления имплицитности в структуре речевой коммуникации. Мы придерживаемся прагматического подхода к данному явлению, при котором, по определению Е. В. Падучевой, сущность пресуппозиции строится не на понятии истинности, а на базе понятия уместности предложения в данном контексте [Падучевой 1996: 235]. Прагматическая пресуппозиция является прагматической а том смысле, что «характеристика ее содержания включает отсылку к одной из прагматических составляющих речевого акта - к слушающему: это презумпция о *знаниях слушающего*» [Падучева 1985: 57]. Как видим, пресуппозиция диалогична по своей природе, т.к. говорящий, вербализуя высказывание, вкладывает в него желаемый смысл с учетом фонда общих знаний, позволяющего адресату адекватно декодировать сообщение.

Под пресуппозицией мы понимаем имплицитную информацию, содержащуюся в семантической структуре текста, которую пишущий (адресант) считает известной читателю (адресату) или которую он хочет подать как известную. Пресуппозиция определяет понимание вообще и образует одно из условий успешности коммуникации, т.к. каждое последующее речевое действие коммуниканта не изолировано, а основано на предыдущем речевом действии его партнера, на фонде общих знаний коммуникантов.

В зависимости от источника пресуппонируемой информации эпистолярный текст может содержать текстовые пресуппозиции, т.е. пресуппозиции, восстанавливаемые из претекста (предыдущего письма адресанта или адресата, других текстов), а также пресуппозиции, отождествляемые через экстралингвистические знания.

Текстовые пресуппозиции составляют основу интертекстуальности. Именно данные разновидности пресуппозиций представляются нам наиболее релевантными для полноценного декодирования имплицитной информации, содержащейся в эпистолярном тексте как части переписки.

Пресуппозиции второго рода в зависимости от характера содержащейся в них информации могут быть подразделены на энциклопедические и бытовые. Энциклопедические пресуппозиции включают в себя знания научного, культурного и эстетического характера. Бытовые пресуппозиции - это общее знание о лицах, предметах, событиях, связанных с повседневной жизнью, о ситуации общения и т.д. Л.А. Нефедова отмечает, что граница между двумя данными видами пресуппозиций достаточно условна и их разграничение зависит от конкретного индивида, воспринимающего сообщение, и его личного опыта [Нефедова 2001:71].

Набор, а также характер пресуппозиций, лежащих в основе коммуникации посредством эпистолярного текста формируется под влиянием нескольких факторов, каждый из которых в той или иной мере определяется установкой на конкретного адресата письма. Среди данных факторов необходимо отметить следующие: 1) продолжительность знакомства адресанта и адресата (в том числе непосредственного общения корреспондентов), что, например, определяет объем общих для корреспондентов бытовых пресуппозиций; 2) роль переписки в процессе коммуникации адресанта и адресата, т.е. составляет ли переписка основу общения коммуникантов или же является лишь ее частью; 3) продолжительность и регулярность переписки, что определяет преобладание в письмах текстовых пресуппозиций.

Обратимся к примерам. Переписка Ф. Кафки с родителями строится на основе как бытовых, так и текстовых пресуппозиций. Причем преобладают именно последние, т.к. переписка с родителями ведется только в том случае, если адресант уезжает из дома. Соответственно, в письмах к родителям ярко выражены явления интертекстуальности: каждое письмо адресанта содержит ссылку на претекст (предшествующее письмо адресата).

Например: «Liebste Eltern vielen Dank für Euren lieben schönen guten Brief. Heute lag ich schon im Schatten auf dem Balkon fast halbnackt, das war sehr angenehm. Einen Gast haben wir, der sich meiner sehr annimmt: Klopstock. Der Onkel läßt nichts von sich hören und reist doch fast schon 5 Wochen» [Kafka 1993: 76] / «Дорогие родители большое спасибо за ваше милое прекрасное доброе письмо. Сегодня я уже лежал в тени на бал-

коне почти полуголым, было очень приятно. У нас гость, который очень обо мне заботится: Клопшток. Дядя не дает о себе знать и уже почти пять недель путешествует » (конец апреля, начало мая 1924 года) (здесь и далее перевод наш. - О.П.).

В данном письме содержатся как показатели интертекстуальных связей текста («für Euren lieben schönen guten Brief»), так и показатели бытовых пресуппозиций: «Klopstock» (давний знакомый Ф.Кафки), «Der Onkel läßt über sich nicht hören» (дядя со стороны матери - Зигфрид Леви - в тот момент путешествовал), «wir» (в виду имеется также подруга Ф. Кафки - Дора Диамант, которая ухаживала за ним).

Переписка со знакомыми ведется нерегулярно, поэтому в ней представлен разнообразный набор пресуппозиций в зависимости от того, является ли письмо адресанта реакцией на претекст адресата, либо представляет собой письмо-акцию, т.е. письмо-стимул [термин О.Ю. Кустовой 1998: 70], начинающее переписку, или же представляет собой единичный текст.

В первом случае основу эпистолярного текста составляют главным образом текстовые пресуппозиции. Следующий отрывок из письма к Эрнсту Айзнеру строится преимущественно на основе текстовых пресуппозиций, т.к. представляет собой ответное письмо (письмо-реакцию): «Lieber Herr Eisner, ich danke Ihnen für die Sendung, mit meiner Fachbildung steht es sowieso schlecht. Walser kennt mich? Ich kenne ihn nicht, „Jakob von Guten“ kenne ich, ein gutes Buch» [Kafka 1999: 115] / «Дорогой господин Айзнер, благодарю Вас за посылку, с моим профессиональным образованием дела так и так обстоят плохо. Вальзер знает меня? Я его нет, «Якоба фон Гутена» я читал, хорошая книга» (к Эрнсту Айзнеру, предположительно 1909 год). Данный пример содержит ссылки как на письмо адресата (в том числе в виде реплики-реакции на определенное замечание адресата «Walser kennt mich?»), так и на литературное произведение («Jakob von Guten», «ein gutes Buch»).

Во втором случае (письмо-акция адресанта) текст создается на основе большей частью экстралингвистических пресуппозиций: «Lieber Herr Baum, unsere Reise war, wie Max ihnen sicher schon erzählt hast, so manigfaltig, daß keine Zeit blieb sich an zuhause zu erinnern, da meine Erholung zuendegeht <...> da ist mir gestern an diesem regnerischen kalten Abend bei offenem Fenster unter der dünnen Decke warm geworden» [Kafka 1999: 144] / «Дорогой господин Хаас, наше путешествие было, как Макс Вам уже наверняка рассказал, таким разнообразным, что не оставалось времени думать о доме, но так как отдых подходит к концу <...> то вчера, дождливым холодным вечером, мне стало тепло под тонким покрывалом у открытого окна» (к Оскару Бауму от 19 сентября 1911 года). Данный эпистолярный текст представляет собой единичное письмо, написанное адресантом во время путешествия и выполняющее в первую очередь контактоподдерживающую функцию.

Характерной чертой дружеского письма является высокий уровень имплицитно выраженной информации, что обусловлено интимным характером переписки с друзьями. В общем и целом отметим, что переписка с друзьями протекает не только в период расставания корреспондентов, но и в период их нахождения в Праге. В последнем случае эпистолярная коммуникация определенным образом дополняет устное общение. Территориальный фактор в данном случае не является релевантным для определения особенностей формирования пресуппозиционной базы дружеской переписки. Соответственно разнообразен и характер пресуппозиций корреспондентов, лежащих в основе переписки. Рассмотрим следующие примеры:

«Lieber Max - Keine Rede davon, morgen zu Dir zu kommen. Diese Hochzeit! Diese Hochzeit! Wie wenn ich daran schuld wäre. Kann ich Dienstag kommen? Nachmittag oder am Abend vielleicht?» [Kafka 1999: 89] / «Дорогой Макс - и речи не может быть о том, чтобы прийти к тебе завтра. Ох, уж эта свадьба! Ох, уж эта свадьба! Как будто я в этом виноват. Могу я прийти во вторник? После обеда или, может, вечером?» (к Макс Броду от 23 октября 1908 года). Данная цитата репрезентирует текст почтовой открытки. Импликаты, содержащиеся в тексте, восстанавливаются за счет бытовых пресуппозиций коммуникантов: речь предположительно идет о женитьбе Ирэны Анны Кафка, двоюродной сестры Ф. Кафки, с фабрикантом Артуром Швейцером [Kafka 1999: 440].

Подобного рода эпистолярные тексты в виде почтовых открыток и визитных карточек составляют определенную часть переписки Ф. Кафки с Максом Бродом (близким другом и душеприказчиком). Их прагматическое назначение может быть выражено следующим образом: назначить встречу, перенести встречу, сообщить об отмене встречи. Такие эпистолярные тексты представляют собой главным образом единичные письма, которые рассчитаны на реакцию не в виде ответного письма, а в виде определенного действия. В их основе лежат преимущественно бытовые пресуппозиции.

Своеобразие исследуемой любовной переписки Ф. Кафки определяется тем, что до ее начала корреспонденты встречались лично всего несколько раз и их отношения развивались в основном в процессе эпистолярной коммуникации. Данный момент обуславливает тот факт, что явление интертекстуальности наиболее ярко проявляется именно в любовной переписке и компрессия информации, присутствующая в письмах к данным адресатам, может быть декодирована преимущественно на основе текстовых пресуппозиций.

Так, в переписке с Фелицей Бауэр лишь несколько писем строятся адресантом на основе бытовых пресуппозиций, т.к. речь в них идет о первой встрече корреспондентов (письма от 20 сентября, 24 октября (частично), 27 октября 1912 года) [Kafka 1999: 170-171; 186-189; 191-198].

В следующей части исследованных нами писем Ф. Кафки к данному адресату общение корреспондентов развивается исключительно посредством переписки (с 1 ноября 1912 года Ф. Кафка пишет по одному письму в день, с середины ноября - по несколько писем). Переписка базируется на общих текстовых пресуппозициях корреспондентов. Так, имплицитная информация, содержащаяся в следующей цитате из письма к Фелице Бауэр от 4/5 декабря 1912 года, может быть восстановлена за счет текстовой пресуппозиции. Такие

компоненты текста, как «Deines heutigen Briefes», «seines zweiten Bogens», «mit dem dritten Bogen» отсылают к информации, которая содержится в претексте в развернутом виде и подвергнута компрессии в письме адресанта: «Sag, wie mache ich mich würdig z.B. Deines heutigen Briefes etwa seines zweiten Bogens, den nur von mir verbrecherisch erpreßte Qual erfüllt. Wie habe ich aufgeatmet, als mit dem dritten Bogen mit den Erinnerungen an jene von mir noch nicht verdunkelte Reise ein wenig Ruhe über Dich kam» [Kafka 1999: 299] / «Скажи только, как мне оказаться достойным твоего сегодняшнего письма, к примеру, второй его страницы, проникнутой мукой, которую я у тебя вымогаю самым недостойным образом! Как я вздохнул, когда третья страница с воспоминаниями о том еще не омраченном мной путешествии хоть отчасти вернула тебе покой»

Особым своеобразием с точки зрения пресуппонируемой информации обладают так называемые креолизованные тексты. Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов дают следующее определение креолизованных текстов: «Креолизованные тексты <...> - это тексты, фактура которых состоит из двух негетерогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин 1990: 180].

К креолизованным эпистолярным текстам относятся различного рода открытки (видовые, художественные), которые могут быть охарактеризованы как тексты с частичной и тексты с полной креолизацией [Анисимова 1999: 23]. «В текстах с частичной креолизацией вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, между обоими компонентами устанавливаются автосемантические отношения. Обычно изобразительный компонент в данном случае сопровождает вербальную часть и является факультативным компонентом» [Анисимова 1999: 23]. Содержание эпистолярного текста в данном случае понятно и без обращения к изобразительному компоненту. Изображение делает содержание открытки более наглядным.

В текстах с полной креолизацией [Анисимова 1999: 12] вербальная часть не может существовать автономно: между вербальным и иконическим компонентами текста устанавливаются синсемантические отношения. Использование паралингвистических средств становится важным типобразующим признаком этих текстов, а сами они могут рассматриваться как «паралингвистически активные тексты» [там же].

В таком случае вербальный компонент (собственно текст письма) и невербальный компонент (изображение) обеспечивают целостность и связность письма, поскольку паралингвистические средства участвуют в формировании плана содержания текста, составляя своеобразную паралингвистическую пресуппозицию для адекватного понимания его вербального компонента.

Рассмотрим текст художественной открытки, написанной Ф. Кафкой Оскару Бауму 9 декабря 1910 года:

«Herzliche Grüsse und dem kleinen Leo diesen Konkurrenten ins Haus. Daß er ihn nicht fürchten muß, das weiß ich, vielmehr soll er durch ihn noch selbstbewußter werden. Ihr Franz K.» [Kafka 1999: 129].

«Сердечный привет, а маленькому Лео этот конкурент. Я знаю, он не будет его бояться, скорее он должен с его помощью стать более самоуверенным. Ваш Франц К.»

Как видно из примера, данный текста содержит импликацию: «diesen Konkurrenten», который становится понятным лишь при помощи изображения, к которому относится вышеприведенный текст. На открытке изображён маленький сын живописца Рубенса. Существительное с указательным местоимением отсылает читателя к изображению. Однако в полной мере смысл высказывания становится понятным за счёт бытовых пресуппозиций адресанта и адресата. 4 декабря 1909 года у Оскара и Греты Баум родился сын («der kleine Leo»), которому к моменту написания открытки исполнился 1 год [Kafka 1999: 477]. Ясным становится и мотив написания открытки: Ф.Кафка поздравляет счастливых родителей с днём рождения сына, хотя текст открытки и не выражает данное поздравление эксплицитно.

Итак, эпистолярному тексту свойствен высокий уровень имплицитности, которая может быть обозначена как поверхностная имплицитность, т.е. имплицитность легко поддающаяся восстановлению, что обусловлено интимным характером эпистолярной коммуникации, а также установкой на персонального (конкретного) адресата, обладающего общим с адресантом набором пресуппозиций. Кроме того, эпистолярный текст в большинстве случаев рассчитан не на многозначность, двусмысленность прочтений, а на однозначную интерпретацию, максимально приближенную к авторской.

Высокая степень имплицитности письма создает определенные проблемы, связанные с восстановлением свернутой информации, для читателя опубликованного эпистолярного текста, не обладающего общим с адресантом и персональным адресатом набором пресуппозиций. Для широкого читателя текст письма «перегружен» импликациями. Данный факт предполагает наличие комментария, целью которого является восстановление (декомпрессия) имплицитных компонентов эпистолярного текста.

#### *Список использованной литературы*

1. Адмони, В.Г. Грамматика и текст [Текст] / В.Г. Адмони // *Вопр. языкознания*, 1985. - № 1. - С. 63-69.
2. Анисимова, Е.Е. Креолизованные тексты - тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте [Текст]: учебное пособие по интерпретации текста / Е.Е. Анисимова. - Воронеж: ЦЧКИ, 1999. - 148 с.
3. Блюменау, Д.И. Проблемы свёртывания научной информации [Текст] / Д.И. Блюменау. - Л.: [б. и.], 1982. - 166 с.
4. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст]: учебное пособие / Н.С. Валгина. - М.: Логос, 2003. - 280 с.
5. Кустова О.Ю. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения: На материале творчества Теодора Фонтане [Текст] / О.Ю. Кустова. - Дис. ... канд. филол. наук. - 10.02.04. - СПб: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1998. - 225 с.
6. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст] / В.А. Кухаренко. - Л.: Просвещение, 1988. - 327 с.

7. **Лотман, Ю.М.** Текст и структура аудитории [Текст] / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам IX: Учёные записки Тартуского государственного университета. - Вып. 422. - Тарту: [б. и.], 1977. - С. 55-61.
8. **Нефёдова, Л.А.** Когнитивно-типологический аспект имплицитивной коммуникации: На материале французских текстов и их переводов на русский язык [Текст] / Л.А. Нефёдова. - Дис. ... д. ф. н.: 10.02.20. - Челябинск: [б. и.], 2001. - 308 с.
9. **Падучева, Е.В.** Высказывание и его соотносённость с действительностью [Текст] / Е.В. Падучева. - М.: Наука, 1985. - 271 с.
10. **Падучева, Е.В.** Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.) [Текст] / Е.В. Падучева. - М.: Языки русск. культуры, 1996. - 464 с.
11. **Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф.** Креолизованные тексты и их коммуникативные функции [Текст] / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. - М.: Наука, 1990. - С. 180-186.
12. **Ярцева, В.Н.** Пределы развёртывания синтаксических структур в связи с объёмом информации [Текст] / В.Н. Ярцева // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М.: [б. и.], 1969. - С. 163-178.
13. **Kafka F.** Briefe 1900-1912 [Текст] / F. Kafka // Hrsg. von H.-G. Koch. - Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag GmbH, 1999. - 688 s.

## О МНОГООБРАЗИИ СОЦИОЛЕКТОВ И ПРОБЛЕМЕ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

*Пономарёва О. А.*

*Саратовский государственный университет*

Любой естественный язык представляет собой не гомогенную систему, а множество его вариантов. Изменчивость языка свидетельствует о внутренней дифференциации, т. е. о возможностях его реализации в речи. Внутри одного языка, определяемого единством произношения и грамматических форм, существует множество лексических единиц и лексических групп единиц, определяемых различными социальными группами, существующими в данном обществе. Носителей одного языка нельзя рассматривать как сообщество, единую группу. Каждый из них представляет собой индивид, который принадлежит различным макро- и микрогруппам общества, владеет в разной степени языком и применяет его в зависимости от ситуации. Во многих случаях это зависит от экстралингвистических факторов: возраст, пол, социальная принадлежность, образование и т. д. «Могут, например, существовать возрастные особенности языка: речь ребёнка будет всегда отличаться от речи взрослого, речь старшего поколения нередко отличается от речи младшего, есть языки, в которых язык женщин в области произношения в известной мере отличается от языка мужчин. Вариативность речи может зависеть от общеобразовательного уровня» [Серебренников 1970: 478]. Появлению некоторых речевых особенностей также способствуют род занятий, круг интересов, социальная принадлежность и среда, в которой человек постоянно обращается. Г. Шёнфельд выделяет 4 основных экстралингвистических фактора возникновения различных речевых вариантов: время, пространство, социальное положение и ситуация. При синхронном рассмотрении он различает:

- региональную дифференциацию социалектов (диалекты, региональные разговорные варианты);
- социальную дифференциацию (собственно социалекты) - определяется социальной ролью говорящего;
- ситуативную дифференциацию (различные стили).

Разговорный язык при этом обладает пространственным делением и согласно этому на месте проявляются его социальные и ситуативные признаки [Schönfeld 1985: 207].

Основная проблема выделения и описания социалектов состоит в том, что нет какой-либо однозначной классификации подобных вариантов речи.

Серебренников Б. А. руководствуется следующей классификацией: 1) профессиональные лексические системы, 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, 3) жаргоны деклассированных, 4) условные языки.

Левковская К. А. выделяет две группы социалектов: профессиональная или специальная лексика (научная терминология включена) и арготизмы или жаргонизмы. Ко второй, выделяемой ею группе социалектов, прежде всего, относится воровской жаргон, при этом отмечается, что в языке студентов также присутствуют черты арга или жаргона. Арга или жаргон - это прежде всего язык определённой социальной группы, который понятен представителям только этой группы. От профессиональной лексики их отличает то, что жаргонизмы распространяются на уже существующие понятия, а единицы профессиональной лексики создаются для обозначения новых предметов и явлений [Левковская 1968: 253 -254]. Жаргон - это, в сущности, «жаргонно окрашенная лексика». Она возникает и существует в силу установки на интимный, фамильярно-сниженный стиль речи при социально-речевой общности той или иной группы носителей языка [Скворцов 1964: 48]

Лёффлер делит все социалекты на три группы и представляет их в виде следующей классификации (см. таблицу 1):

- **Тип А** - социалекты, которые касаются престижа той или иной социальной группы. Язык моментально реагирует на степень ценностей, которые тесно связаны с иерархией в обществе;
- **Тип В** - язык определенной ограниченной группы индивидов. Профессиональные и специальные жаргоны часто относят к функциональным вариантам языка, но в целом это социалекты, подобно социалектам типа С;